

УДК 930.1

Т. Т. Кручковский

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», Министерство образования Республики Беларусь, ул. Ожешко, 22, 230023 Гродно, Республика Беларусь, +375 (152) 73 03 92, tkruczkowski@yahoo.com

ПАДЕНИЕ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В ОЦЕНКЕ С. М. СОЛОВЬЁВА

В творчестве известного русского историка С. М. Соловьёва определённое место занимала история Польши. Историческая полонистика С. М. Соловьёва была представлена как в его фундаментальной концепции истории России, так и отдельных трудах по истории Польши и отдельных периодов российской истории. Одной из наиболее важных тем исторической полонистической учёного являлись разделы Польши. В данной статье рассматривается проблематика падения Речи Посполитой в историософской концепции С. М. Соловьёва. История падения Польши рассматривалась историком как в контексте общеевропейского исторического процесса, так и в русле русско-польского соперничества и борьбы за западнорусские земли. В контексте исторической полонистики и роли Польши в истории России, как и тематика разделов Речи Посполитой, творчество С. М. Соловьёва исследовалось только выборочно, специального комплексного историографического исследования по этой проблематике не проводилось.

Ключевые слова: С. М. Соловьёв; русская историческая полонистика; Речь Посполитая; разделы Речи Посполитой. Библиогр.: 56 назв.

T. T. Kruczkowski

Yanka Kupala State University of Grodno, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 22, Ozheshko str., 230023 Grodno, the Republic of Belarus, +375 (152) 73 03 92, tkruczkowski@yahoo.com

THE FALL OF THE POLISH-LITHUANIAN COMMONWEALTH IN THE ASSESSMENT OF S. M. SOLOVYOV

The history of Poland occupies a certain place in the works of the famous Russian historian S. M. Solovyov. Solovyov's historical Polish Studies are presented both in his fundamental concept of the history of Russia, as well as in individual works on the history of Poland and in studies of different periods of Russian history. One of the most important topics of the historical Polish Studies scholar is dedicate to sections of Poland.

The article discusses some problems of the Commonwealth fall in S. M. Solovyov's historiographical concept. The History of Poland fall is considered by the historian in the context of pan-European historical process, as well as in line with the Polish-Russian rivalry and struggle for the West Russian lands. S. M. Solovyov's oeuvre in the context of the historical Polish Studies and Poland's role in the history of Russia was studied only selectively. The theme of the sections of Polish-Lithuanian Commonwealth requires additional research too. Special complex historiographical studies on this issue have not been conducted before.

Key words: S. M. Solovyov; Russian historical Polish Studies; Polish-Lithuanian Commonwealth; sections of the Commonwealth. Ref.: 56 titles.

Введение. В настоящей статье автор ставит цель, рассматривая наиболее известную историософскую концепцию истории России второй половины XIX века С. М. Соловьёва, показать причинно-следственные связи и последствия падения Речи Посполитой в интерпретации учёного. Ставятся следующие задачи: представить причины разделов Речи Посполитой в интерпретации С. М. Соловьёва; показать последствия падения Польши в оценке наиболее известного русского историка второй половины XIX века; обозначить новые научные подходы к исследуемой проблематике собственно С. М. Соловьёва и используемые им положения предыдущей историографической традиции. В контексте изучения историософской концепции учёного подобное исследование проводится впервые.

С. М. Соловьёв считается одним из крупнейших историков дореволюционной России. Его выдающийся вклад в развитие русской исторической мысли признавали учёные самых разных школ и направлений [1—32].

Давая высочайшую общую оценку его творческому наследию, учёные различных эпох и направлений часто приводили как доказательство слова его ученика и крупнейшего историка России начала XX века В. О. Ключевского. Он писал: «В жизни учёного и писателя главные биографические факты — книги, важнейшие события — мысли. В истории нашей науки и литературы было немного жизней, столь же обильных фактами и событиями, как жизнь Соловьёва» [1, с. 512].

Материал и методы исследования. Источниковой базой исследования являются как основной труд С. М. Соловьёва «История России с древнейших времён», так и ряд его отдельных работ, в которых историческая полонистика занимала видное место, — «Император Александр I. Политика. Дипломатия», «Восточный вопрос» и др. [34—38; 43]. Особое место занимает труд учёного «История падения Польши», посвящённый отдельно проблематике разделов Речи Посполитой, который получил свою оценку в историографических исследованиях в России и Польше [7; 39]. В частности, отмечалось, что оценочные подходы С. М. Соловьёва к падению Польши, изложенные в его «Истории России с древнейших времён» и «Истории падения Польши», хотя по смысловому содержанию мало отличаются, но совершенно разнятся по стилю изложения. В первом преобладает академический, а во втором публицистический, что объяснялось временем написания труда «История падения Польши» [39]. Это суждение отмечалось и впоследствии в других исследованиях [40; 48].

Автор статьи при её написании использовал основные принципы исторической науки — историзма, объективности и ценностного подхода, а также общенаучные и специально-исторические методы: анализ, синтез, сравнение, историко-генетический метод, историко-типологический метод, историко-системный метод и др.

Результаты исследования и их обсуждение. Проведённое исследование позволило увидеть характерные черты и особенности исторической полонистики крупнейшего русского историка XIX века — С. М. Соловьёва. В полонистических исследованиях учёного центральное место занимала проблематика причин и последствий разделов Речи Посполитой. Оценочные подходы к данной проблематике известного русского либерального историка оказались ближе к подходам русской консервативной историографии и в целом отличались от его либерально-прозападнической концепции истории России.

Оценки исторического наследия С. М. Соловьёва по ряду важнейших составляющих параметров как в современной ему российской науке, так и в советской, а также и в современной российской историографии неоднозначны и порой даже противоречивы. Это хорошо видно из анализа многочисленных работ по изучению научного наследия учёного. С точки зрения автора статьи, С. М. Соловьёв определяется как либеральный историк, подходивший к изучению исторической полонистики, которая по причине исследуемой тематики стала частью его творчества, с позиций, близких славянофильской концепции. Эти критерии либеральной русской полонистики, в том числе и в отношении С. М. Соловьёва, автор оговаривал отдельно [33]. Рассматривая историческую полонистику русского историка, автор для передачи специфики оценочных подходов С. М. Соловьёва, как и всей русской науки анализируемого периода, использует названия государственной принадлежности в определении русской историографии XIX — начала XX веков. Польша и Великое Княжество Литовское после Кревской унии, а затем и Речь Посполитая определялись в ней как польско-литовская государственность, подобно как и у большинства польских исследователей. В интерпретации С. М. Соловьёва понятия «Польша» и «Речь Посполитая» практически тождественны. Это хорошо видно со страниц его «Истории», а также исследования, посвящённого падению Речи Посполитой, которое так и называется «История падения Польши», в то время как большинство современных историков Беларуси и Литвы чётко разграничивают данные государственные образования.

Вместе с тем вне поля исследования исторической науки XIX — начала XXI веков осталась весьма важная проблема русской истории, получившая определённое отражение в концептуальной теории истории России С. М. Соловьёва: взаимосвязь истории России и Польши, роль Польши и поляков в истории России. Основные оценочные подходы С. М. Соловьёва к истории Польши и российско-польским отношениям отражены в его «Истории России с древнейших времён» [34]. Взаимоотношения России и Польши рассматриваются также в отдельных работах учёного [34—38] и ряде других. Истории

падения Польши С. М. Соловьёв посвятил отдельное исследование [36], которое получило определённую оценку в историографических исследованиях в России и Польше [7; 39]. Некоторые аспекты проблематики падения Польши в русской науке, в том числе и в произведениях С. М. Соловьёва, рассматривались и автором статьи в отдельных исследованиях [33; 40—42]. Однако эти работы освещали только некоторые аспекты данной проблематики и не ставили своей задачей представление истории падения Речи Посполитой в общей историософской концепции учёного.

История Польши XVIII века для С. М. Соловьёва не представляла особого интереса, выходя снова на важное место в исторической концепции учёного в период правления Екатерины II, и это связано у него с разделами Речи Посполитой. Рассматривая историю ослабленной в XVIII веке Речи Посполитой, учёный акцентировал вывод об ослаблении Польши и польско-германских противоречиях. Он считал, что после Северной войны радикальным образом изменилась система международных отношений и, в первую очередь, роль России и Польши. «Переворот, происшедший в Восточной Европе в первой четверти XVIII века, — писал исследователь, — отозвался немедленно в Европе <...> на юге смертельно больная Турция, на западе — смертельно больная Польша <...> здоровый, сильный человек, окружённый больными, расслабленными» [36, с. 311]. По его мнению, позицию Польши в регионе стремилась занять не только Россия, но и Франция, взявшая на себя роль опекуна «смертельно больной Польши» [36, с. 311]. Эту позицию Франции и Англии С. М. Соловьёв интерпретировал в духе своего концептуального положения о борьбе Европы и Азии [36, с. 311].

Германские захватнические устремления относительно Польши историк представил ярким художественным образом: «Но труп собирал около себя орлов. Западные соседи Польши, немцы, видели в ней лёгкую добычу и стали хлопотать, как бы усилиться на её счёт, захватить всю, и если нельзя, то поделить добычу» [36, с. 316]. При этом исследователь считал, что сама Польша своей близорукой политикой дала возможность за её счёт усилиться германским государствам. По его мнению, подобно Бранденбургу в середине XVII века, Саксония усиливается за счёт Польши [36, с. 317].

К моменту издания «Истории падения Польши» в России уже имелись работы Ф. Смита [44—46] и В. И. Герье [47] по этой тематике, которые были известны С. М. Соловьёву. Первым из либеральных историков в русской историографии В. И. Герье выдвинул своеобразный комплекс причин печального состояния Польши в XVIII веке, которые и привели к её разделам. По его мнению, это «отсутствие сильного правительства, высокомерие и спесь в одном сословии и раболепное смирение в другом; недоразвитость городов; всеобщее невежество и религиозная нетерпимость» [47, с. 351]. Особый акцент В. И. Герье делал на шляхетском общественно-государственном устройстве Речи Посполитой, видел главную причину её упадка в слабости центральной исполнительной власти. При более близком рассмотрении проявляется определённая схожесть этих положений В. И. Герье с известной полонофобской работой Ф. Смита. Он, в частности, писал: «Ложное направление природных способностей, при избытке фантазии и недостатке рассудительности; вследствие этого неумение оставаться в должных пределах, с одной стороны, а с другой — возросшее вследствие благоприятных условий влияние дворянства, поработившего себе всё и вся, обратившего стремление к свободе в анархию; наконец, вредоносное вмешательство иезуитов в дела воспитания и образования народа; иезуиты присоветовали новые семена раздора к тем, которые уже существовали; они разъединили нацию, возникшую из различных элементов, не успевших ещё слиться, и эти элементы стали снова разобщаться — таковы были единственные, существенные причины падения Польши» [46, с. 48]. Отмечая, что характер польского народа наложил отпечаток на всю его историю, Ф. Смит поддерживал теорию о сарматском происхождении польской шляхты. Отсюда, считал он, и её склонность к буйствам, неумеренной фантазии. Не только поляки, но и другие славянские народы, по мнению Ф. Смита, неспособны к самостоятельному политическому существованию [46, с. 17]. Исключение он делал только для России, народ которой сформировался под влиянием норманнских элементов в особый тип, склонный к строгой самодержавной форме управления. Концепция падения Речи Посполитой В. И. Герье с определёнными вариациями стала господствующей в либеральной историографии второй половины XIX — начала XX века и была в значительной степени принята и С. М. Соловьёвым.

Таким образом, С. М. Соловьёв, приступая к оценке причин падения Польши и последствий этого события, уже имел определённые модели интерпретации этой проблематики и выработал свою

концепцию, сочетая аргументы и доводы различных историографических направлений. В результате С. М. Соловьёв в основном поддержал мнение о главных причинах падения Речи Посполитой в интерпретации консервативной историографии — это шляхетское государственное устройство и польский национальный характер. Исходя из этого, С. М. Соловьёв считал, что главные причины падения Речи Посполитой внутриполитические: шляхетское общественно-государственное устройство, отразившееся на национальном характере. В конкретно-историческом преломлении этой проблемы, как производном от двух основных причин — шляхетского государственного устройства и польского национального характера, — учёный выводил главные причины разделов Польши в комплексе факторов, обусловленных как историческим развитием Польши, так и политическими реалиями конца XVIII века. Он называл их в следующем порядке: русское национальное движение, ведущееся под религиозным знаменем; измена Польшей своей исторической миссии в защите западного славянства от германской угрозы; завоевательная политика Пруссии; преобразовательные движения XVIII века; угроза распространения революционных идей.

Отметив, что до Екатерины «почти на сто лет приостановлено было соби́рание Русской земли», историк указывал на исключительное миролюбие русской царицы [36, с. 2]. Из рассуждений учёного следовало, что виноваты в случившемся не соседи, разделившие страну, а её общественно-политическое устройство и национальный характер. Он писал: «Так произошёл второй раздел Польши, доказавший, прежде всего, что в Польше не было народа; народ молчал, когда шляхетские депутаты волновались в Гродне вследствие требований России и Пруссии. Оказались следствия того, что в продолжение веков народ молчал и шумел только один шляхетский сейм, на нем только раздавались красивые речи. <...> сейм принужден был онеметь, потому что всё вокруг было немо» [36, с. 312]. Разложение страны дошло, по мнению С. М. Соловьёва, до того, что симпатизирующий полякам саксонский посланник Эссен «имел полное право говорить, что немецкий полумошенник воспринимается в Польше как честнейший человек» [25]. Однако документы, которыми пользовался историк, как отмечалось ещё его современниками, односторонние, их показания просто враждебны полякам, а Эссен известен крайней враждебностью к полякам, свидетельств которого так много в «Истории падения Польши» С. М. Соловьёва [7, с. 231].

В итоге в «Истории падения Польши» общая оценка шляхетского устройства выглядела значительно негативнее, чем в соответствующих томах «Истории России», хотя общая тенденция одинакова. Так, С. М. Соловьёв поддержал мнение Г. Зибеля, что «польское социальное тело выглядит чудовищем, состоящим из голов и желудков, но не имеющих ни рук, ни ног» [36, с. 397]. Учёный показывал это и примерами поведения первых лиц польского государства: «Король брал русские деньги и ничего не делал для России, менажируя нацию. Первое после короля лицо в республике, примас Подоский также брал русские деньги и, мало того, что ничего не делал для России» [36, с. 110]. Оценивая, таким образом, общественное устройство Речи Посполитой, С. М. Соловьёв следовал за взглядами немецкого консервативного историка Г. Зибеля, часто ссылаясь на него [39, с. 368].

Оценки польского национального характера, государственного устройства изложены С. М. Соловьёвым с явных полонофобских позиций. Возможно, такой подход объясняется временем написания «Истории падения Польши». В «Истории России» учёный, хотя и называл эти же причины падения Речи Посполитой, но оценивал их более сдержанно, изложение польской истории более академичное. В данном случае С. М. Соловьёв следовал общей тенденции русской консервативной историографии (вслед за Н. Г. Устряловым, М. П. Погодиным и, в первую очередь, Ф. Смитом).

Неоднократно С. М. Соловьёв пытался обосновать этот тезис на страницах своих трудов. Так, описывая патристический порыв поляков в ответ на угрозу разделов, он утверждал: «Но восстание это вовсе не было народным: громкие слова *“вера и свобода”* не производили впечатления на массу; трудно было подняться на борьбу за веру <...> не видя, кто и как притесняет веру; трудно было подняться на борьбу за свободу, которой пользовалась одна шляхта» (курсив авт. цитаты. — **Т. К.**) [36, с. 76]. Он считал, что вся эта борьба со стороны поляков велась единственно с целью разбоя, разврата, личного обогащения. Всё это, продолжал он, «тянуло под знамёна конфедерации всякую голь, дворовую службу, граждан и крестьян» [36, с. 76]. Подобным в представлении учёного был образ польской шляхты, образовавшей Барскую конфедерацию [36, с. 96]. В карикатурном виде учёный представлял королевскую оппозицию планам разделов: «Один король, ободрённый своим маленьким советом, состоявшим из любовницы и двоих иностранцев, одного швейцарца и одного француза, вызывал на борьбу три державы» [34, кн. 15, т. 29, с. 40].

Историк считал, что до разделов Польша оставалась в сфере исключительного влияния России, полагая, что причиной, по которой она поддерживала своё влияние в Польше, были геополитические обстоятельства [36, с. 111]. Учёный писал, что новая система международных отношений в связи с революцией во Франции оказалась губительной для Польши [36, с. 253]. Он показал, что в период Екатерины II были проекты польско-русского сотрудничества на международной арене. Так, рассматривая сложное положение России в период, предшествующий второй турецкой войне, он отметил планы вовлечения в союз с Россией Речь Посполитую при возможной территориальной ей компенсации [36, с. 181]. При этом С. М. Соловьёв говорил как о совершенно нормальном деле в отношении соседнего государства о военных действиях русских войск в Польше, об арестах по распоряжению русского посла видных польских епископов, чиновников, противостоявших планам России, о подкупе соседними государствами польской шляхты, чиновничества в целях ослабления страны и проведения разделов [36, с. 71—72].

Одной из причин падения Речи Посполитой, рассматривавшейся С. М. Соловьёвым в общей традиции русской историографии, было «распространение» Польши, её цивилизации на Восток и её неизбежное столкновение с Москвой. Нюансы в позиции русских историков столь незначительны, что их часто невозможно разделить по направлениям. Всё же, в основном, консервативная историография, как и С. М. Соловьёв, придерживалась тезиса о борьбе двух цивилизаций, двух религий — католической и православной. Исходя из этого, историк и рассматривал фактор русского национального движения. Учёный, как мы видим из его изложения истории российско-польских отношений, вслед за славянофилами, видел эту предопределённость и в измене Польши её мессианской роли.

Участие России в разделах Речи Посполитой рассматривается единодушно русской исторической наукой со времён Н. М. Карамзина как политика собирания русских земель. Такую позицию занял и С. М. Соловьёв. Роль России в разделах Речи Посполитой рассматривалась им как политика собирания русских земель: это проявилось в его интерпретации польско-русского противостояния. Екатерине, писал С. М. Соловьёв, «было тяжело, что не все русские земли вошли в состав империи, но она рассчитывала обменять их у Австрии за турецкие области» [36, с. 30]. Историк утверждал, что Екатерина II не могла отказать в помощи русскому народу, боролась за его религиозное и национальное освобождение от Польши [36, с. 24]. Но, отстаивая свой взгляд на национальную политику Екатерины II, С. М. Соловьёв приводил её же письмо польским конфедератам, которое противоречило его выводам. Она писала, отмечал учёный, что «берёт Украину взамен своих убытков и потерь людей», и «это послужит мне вознаграждением за мои субсидии» [36, с. 131, 300]. Ученик и преемник С. М. Соловьёва В. О. Ключевский, впоследствии отойдя от оценок своего учителя, прямо заявлял об ошибочности официальной политики при разделах Речи Посполитой. По его мнению, правительство Екатерины II, имея поставленные русской историей задачи, добились совершенно иной цели, не соответствующей стратегическим интересам страны. «Предстояло воссоединить Западную Русь, — считал он, — вместо того разделили Польшу» [2, т. 5, с. 55]. «Это различные по существу акты — первого требовал жизненный интерес русского народа, — продолжал учёный, — второй был делом международного насилия. Решение не отвечало задаче» [6, с. 55]. И хотя в состав России, пояснил далее историк, вошла Западная Русь, но «под другим политическим титулом — не как результат борьбы России с Польшей один на один во имя политического объединения русского народа, а как доля в захватной сделке трёх соседних держав во имя права силы» [2, т. 5, с. 55].

Основной проблемой, которую С. М. Соловьёв связывал с русским делом в Польше, было так называемое диссидентское дело [34, кн. 15, т. 29, с. 47]. Он ставил этот вопрос категорично: «Могла ли Екатерина отказать от своего требования? Могла ли Россия отказать в помощи русскому народу?» [36, с. 24]. Учёный считал нормальным явлением в отношениях двух государств полное подчинение православной церкви в Речи Посполитой русскому Синоду. Он писал: «Являются в Польше указы русского Синода <...> наконец, самые мелочные распоряжения Петербургского Синода» [36, с. 231].

Учёный даже утверждал, что диссидентский вопрос стал причиной первого раздела Речи Посполитой: «В 1653 году посол Московского царя <...> потребовал от польского правительства, чтобы православным русским людям вперёд в вере неволи не было и жить им в прежних вольностях. Польское правительство не согласилось на это требование, и следствием было отпадение Малороссии. Через сто с чем-нибудь лет <...> то же требование и следствием был первый раздел Польши» [36, с. 25].

Историк прямо утверждал, что неуступчивость католической церкви способствовала гибели Польши: «Фанатизм только гальванизировал мёртвое тело, но к жизни его не возбуждал» [36, с. 33]. Описывая решение диссидентского вопроса, показав права инаковерующих, он нигде не оговаривался об исключительности их в Европе, а также и в России. «Все диссиденты шляхетского происхождения уравниваются с католическою шляхтой во всех политических правах, — писал он, — но королём может быть только католик, и религия католическая остаётся господствующею» [36, с. 73].

Таким образом, в конфессиональном вопросе С. М. Соловьёв занимал официальную точку зрения. Но большинство исследователей подвергли критике политику Екатерины II как справа, так и слева. Даже М. О. Коялович в трактовке диссидентской проблемы вышел за рамки официального подхода [49, с. 45]. По его мнению, Екатерина II не сразу поняла значение присоединения Западной России для русского народа. Он высказывал обвинение в забвении национальных интересов: «Власть тогда у нас, всё наше высшее общество пропитано было ненародным духом» [49, с. 344; 53]. Подобную позицию заняла впоследствии и либеральная историография (Н. И. Кареев [54], А. Л. Погодин [56]).

Одной из причин падения Речи Посполитой С. М. Соловьёв считал «преобразовательные движения, начавшиеся в Европе в XVIII веке» [36, с. 9]. Ему принадлежит заслуга постановки данной проблемы в русской историографии. Невозможность успеха реформ С. М. Соловьёв, как и русская консервативная историография, связывал с польским национальным характером и существующим «неправильным» государственным устройством Польши. По его мнению, преобразования уже не могли помочь Польше, так как на разделы её обрекал весь ход истории: Польша «неминуемо должна была поплатиться жизнью за всю свою историю. Признаки этой наступающей расплаты были явны для всякого внимательного и разумного наблюдателя» [36, с. 152]. Вслед за С. М. Соловьёвым Д. И. Брянцев и П. А. Гейсман утверждали, что реформы только ускорили падение Польши или, как образно выразился П. А. Гейсман, «агонию безнадежно больного» [50, с. 12].

Успех преобразовательного движения в каждой стране, считал С. М. Соловьёв, зависит от того, сможет ли его удержать в своих руках правительство. В отношении Польши историк рассуждал в духе славянофильской традиции [36, с. 10]. Вывод его был следующим: «Но что бывает спасительно для крепких организмов, то губит слабые, и попытка преобразования только ускорила падение Польши» [36, с. 10]. Учёный признавал некоторые преобразовательные достижения польской стороны и лично короля [36, с. 151]. К тому же, по его мнению, слабой оказалась и личность короля [36, с. 10]. Конечный итог рассуждений С. М. Соловьёва крайне негативен для польской стороны: «Преобразовательная деятельность Станислава-Августа только слегка коснулась поверхности; поражённое неизлечимую болезнью, общественное тело способно было только к судорожному предсмертному движению» [36, с. 154]. Свою точку зрения он доказывал примером действий польского общества в период преобразований: «Всё ликовало, как будто бы стотысячная армия уже маневрировала под стенами Варшавы, и Европа с уважением смотрела на Польшу; никто не подумал о безделье: чем содержать стотысячное войско <...> В пылу восторга многие предложили добровольные пожертвования; но когда восторг охладел — пожертвования оказались ничтожными» [36, с. 154].

Однако большинство русских историков отказались впоследствии от этого положения С. М. Соловьёва. Так, Н. И. Кареев считал, что в результате реформ произошёл определённый сдвиг польского общества: в культуре, в народном образовании, в развитии искусств, промышленности [54, с. 56—64]. В данном случае Н. И. Кареев поддерживал точку зрения М. Бобжиньского, который высказывался в пользу «согласия с Россией», считая недалёковидной ориентацию «патриотической» группировки деятелей Четырёхлетнего сейма на Пруссию [54, с. 67]. В свою очередь М. К. Любавский считал, что «под управлением постоянного совета измученная страна отдохнула и ожила. Во всех сферах общественной жизни в короткое время сказался сильный прогресс» [55, с. 331]. Интересно, что подобную оценку периода реформ высказывал и М. О. Коялович. Он отмечал, что «за короткое время было сделано очень много полезных дел» [49, с. 353]. Это объясняется его мнением, что все эти реформы проводились российским правительством, вопреки воле польской реакционной шляхты. Историк А. Л. Погодин даже считал, что была, благодаря им, возможность избежать разделов: «польская шляхта создала новый строй, который мог бы поднять упавшую республику» [56, с. 132].

Россия, признавал С. М. Соловьёв, изначально была противником проведения в Польше конституционных реформ [36, с. 23]. Такой же была позиция её и после первого раздела: «соседи Польши давно уже вносили в свои договоры статью — поддерживать господство шляхетской демократии в Польше» [36, с. 3]. Принятие Конституции 3 мая учёный представлял в весьма карикатурном плане как заговор и сплошную неурядицу, обман и путаницу [36, с. 241—243]. Отдельно подчёркивалось С. М. Соловьёвым, что принятие конституции произошло путём заговора [36, с. 246]. Возникшее в Польше на основе реформ и принятия конституции патриотическое движение он называл «патриотическим фанатизмом» [36, с. 238]. Он, правда, приводил основные положения Конституции 3 мая, акцентируя внимание на усилении роли государственной власти, ликвидации *liberum veto*, получении прав городами, а также особо на конфессиональном вопросе, однако не давал никакой общей оценки характера этого документа, в том числе и с реалиями в соседних государствах [36, с. 242—243].

С. М. Соловьёв, как ещё Н. М. Карамзин, находил, что достаточным поводом для непризнания Россией Конституции 3 мая было оскорбление Её Императорского Величества через отказ новым законодательным актом от гарантии России в польском государственном устройстве. Исследователь, а вслед за ним и Н. И. Костомаров [52], ставил под сомнение законность майской конституции, так как она была принята посредством переворота. Учёный увидел в этом правоту русского правительства, отказавшегося от её признания [36, с. 247].

Историк признавал, что настоящей причиной позиции России было польско-российское противостояние относительно западнорусских земель. «Когда в Варшаве вздумали, — писал он, — восстановить дело Витовта, то вопрос этот получил для России настоящее значение; дело шло уже не о разделах Польши, а о соединении русских земель» [7636, с. 250]. Одновременно фактически приведёнными материалами С. М. Соловьёв показал решающую роль России в дипломатической игре относительно разделов: «Екатерина не хотела изменить своего прежнего взгляда, требовала, чтоб границы были установлены согласно договору» [34, кн. 15, т. 29, с. 91]. Ведущая роль России видна также из материалов, приведённых учёным, и в военном обеспечении разделов [34, кн. 14, т. 27—28, с. 519]. Он признавал, что судьбу Речи Посполитой решило именно российское военное вмешательство: «Судьба Польши решилась русским оружием: для этого императрица отправила Суворова» [36, с. 351]. Как и Н. М. Карамзин, С. М. Соловьёв представлял военный штурм восставшей Варшавы как просто военную операцию, хотя и признавал значительные потери среди гражданского населения: «Прага, состоявшая преимущественно из деревянных домов, представляла одни обгоревшие трубы и кучи пепла» [36, с. 353]. Более того, представленные историком документы свидетельствуют, что в условиях противоречий между Пруссией и Австрией, которая готова была даже отказаться от последующих разделов и вернуть Польше её земли, именно Россия оказалась той силой, которая поддержала разделы [36, с. 182].

Одной из причин разделов Речи Посполитой, выдвигаемой русской историографией и принятой С. М. Соловьёвым, ставшей также во многом и причиной неудач реформ, выдвигался польско-немецкий антагонизм. Исходя из него, делался вывод о том, что польские реформы не были опасны для России в отличие от Пруссии. Этот тезис получил широкую поддержку в русской науке (Н. И. Кареев, В. О. Ключевский, М. О. Коялович и др.). Вслед за Ф. Смитом С. М. Соловьёв отмечал в своей «Истории...» польско-пруссский антагонизм на протяжении многих веков их соседского сосуществования. На основании этого он считал главным инициатором разделов Польши Фридриха II, который, по его словам, заставил склониться Россию и Австрию к разделам. Этот тезис историк обосновывал невозможностью Пруссии без участия России получить польские земли [34, кн. 14, т. 27—28, с. 469]. Подобной, отмечал исследователь, была также позиция и Австрии [34, кн. 14, т. 27—28, с. 474].

Одновременно историк утверждал, что пойти на раздел Польши Россию заставили Пруссия и Австрия [36, с. 133]. Учёный доказывал, что инициатором разделов была Пруссия [36, с. 195]. Более того, по его мнению, Пруссия сознательно пошла на поддержание антирусских настроений в Польше [36, с. 194]. Взгляды С. М. Соловьёва на права России и Пруссии на земли Речи Посполитой сходны с оценками его предшественников: Россия не хотела разделов, имела на Речь Посполитую полное влияние, и только стечение обстоятельств принудило её к разделам [39, с. 373].

Одну из причин разделов Речи Посполитой историк, вслед за Г. Зибелем, выводил из проблемы французской революции. Учёный показал готовность России участвовать в борьбе против революционной

Франции [36, с. 251]. Он признавал, что царица не ограничивалась этой задачей, а хотела, попутно отвлекая внимание, решить в свою пользу вопрос с Польшей. «Хлопоча о составлении и поддержании коалиции против Франции, — писал он, — Екатерина имела две цели: с одной стороны, она считала необходимым для безопасности престолов остановить революционные движения <...> С другой стороны <...> Екатерина хотела отвести внимание этих держав от востока на запад, приобрести этим для себя полную свободу действия, восстановить то блистательное положение России» [36, с. 252]. Подобную позицию, считал С. М. Соловьёв, заняли и союзники России [36, с. 260]. Этот тезис был принят впоследствии В. О. Ключевским. Он писал: «Екатерина <...> билась головой об стену, по её выражению, чтобы двинуть Австрию и Пруссию на революционную Францию <...> но втихомолку своим признавалась, что ей хочется впутать австрийцев и пруссаков во французские дела <...> Екатерине хотелось устроиться с Польшей по-своему. Но австрийцы и пруссаки хорошо разглядели шитую белыми нитками хитрость, вяло двигались на Францию, равнодушные к принципам, без огорчения несли потери на Рейне в чаянии добычи на Висле и отлично доделили Польшу при содействии и участии России» [2, т. 5, с. 58].

Историк С. М. Соловьёв подробно останавливался на рассмотрении политических и военных обстоятельств второго раздела Речи Посполитой. Вторжение русской армии в Польшу в 1792 году им оправдывалось как защита старого польского порядка (как и Н. М. Карамзин) и ответ на «оскорбления» российского императорского величества введением Конституции 3 мая. В результате, по его мнению, «судьба конституции 3 мая решилась на берегах Вислы, судьба Польши решилась на берегах Майна и Рейна» [36, с. 286].

Учёный, характеризуя причины второго раздела Речи Посполитой, указывал на ряд военно-политических и финансовых факторов, связанных с позицией Австрии и Пруссии [36, с. 299]. Он оправдывал решение российской императрицы пойти на второй раздел Речи Посполитой вопреки данному обещанию королю о сохранении территориальной целостности государства взамен за его переход на сторону Тарговицы [36, с. 285].

Первым в русской науке С. М. Соловьёв рассматривал восстание под руководством Т. Костюшко как часть польского вопроса в России в период разделов. Однако в отношении других польских восстаний историк ограничился в своей «Истории падения Польши» только констатацией негативных их последствий. Он выделял две важнейшие причины выступления 1794 года — крах майской конституции и второй раздел Речи Посполитой [36, с. 316]. Историк подчёркивал радикализм восстания, сравнивая его с французской революцией [36, с. 344—345]. Общий итог восстания и его возможные перспективы исследователь оценивал весьма кратко и однозначно: «Польша погибла потому, что истощала последние силы, и, проигравши сражение, выигрыш которого мог бы дать еще какую-нибудь, хотя слабую, надежду помериться с русскими силами» [36, с. 354].

На примере отношения восставших к решению крестьянского вопроса С. М. Соловьёв в очередной раз стремился продемонстрировать противоречия между участниками восстания — между Костюшко и большей частью шляхты [36, с. 344]. «В то время, когда Костюшко заставлял крестьян в рядах своих биться за *ойчизну*, — писал он, — шляхта обременяла жён и детей их *паньщизною*» (курсив авт. цитаты — *Т. К.*) [36, с. 343]. Крестьянский вопрос используется учёным для того, чтобы показать, насколько невелика была роль крестьянства в восстании и насколько далеки были друг от друга шляхта и крестьяне. Историк в принципе не считал польское восстание 1794 года народным как раз из-за неучастия в нём большинства крестьян. Учёный утверждал: «Придавленные крестьяне не понимали, какое у них может быть общее дело с шляхтою; не понимали, зачем они должны драться, чтоб дать торжество так называемой Польской республике над её врагами» [36, с. 343]. Это положение С. М. Соловьёва вполне вписывалось в славянофильские оценки общественного устройства Польши и было продолжено также в оценках известного либерального историка и полонофила Н. И. Кареева [7, с. 142].

Следует обратить внимание на стиль изложения данной проблематики С. М. Соловьёвым, следовавшим в этом за консервативной историографией. Отряды конфедератов он называл шайками или бандами, противники капитуляции короля в войне 1792 года получили у него прозвище «всякого сброда» [36, с. 77, 94]. Для полноты и объективности отметим, что также и В. О. Ключевский считал конфедератов шайками. В подобной манере С. М. Соловьёв представлял и действия королевского правительства: «Польское правительство перетрусилось, как нашалившее дитя, почуяв приближение гувернёра» [36, с. 263].

Отмечая существование польского вопроса на международной арене XIX века, С. М. Соловьёв признавал, что разделы Речи Посполитой не разрешили русско-польские противоречия. Дальнейшая проблематика польского вопроса на международной арене и в России в XIX веке рассматривалась учёным в ряде трудов [35; 38]. Историк отмечал роль польского вопроса в российско-французских [35, с. 66, 104, 132, 134, 142], в франко-русско-пруссских отношениях [35, с. 78, 103, 119, 140]. Внимание он уделял и планам решения польского вопроса как создания марионеточного государства Францией, а также восстановления Польши Александром I (предложения Чарторийского) [35, с. 53, 58, 74, 138—140, 152, 191—192]. Характерно, что, по мере приближения к современности, в специальных исследованиях польский вопрос получал всё меньше внимания, а работы С. М. Соловьёва все более проникались публицистическим содержанием.

Заключение. Приступая к оценке причин падения Польши, С. М. Соловьёв уже имел определённые модели ответов на столь сложный и политизированный для России вопрос, выработанный предыдущей историографической традицией. В результате историк выработал свой вариант объяснения данного исторического события, сочетая аргументы и доводы различных историографических направлений. Учёный в основном поддержал мнение о главных причинах падения Речи Посполитой в интерпретации консервативной историографии — это шляхетское государственное устройство и польский национальный характер. В расстановке приоритетов вокруг двух этих причин в русской науке наблюдались существенные расхождения: ряд русских историков, не только консервативной направленности (П. Д. Брянцев, Д. И. Иловайский, М. О. Коялович и др.), но и либеральной, как и С. М. Соловьёв (а также Н. И. Костомаров, А. С. Трачевский [51] и др.), выдвигали на первый план польский национальный характер как главную причину печального конца Речи Посполитой, считая «порочное» шляхетское общественно-государственное устройство только его следствием.

Исторические труды С. М. Соловьёва давали на основе новых теоретико-методологических основ иной взгляд не только на историю России, но и на всемирно-исторический процесс. Можно было предположить, что эти новые подходы проявятся также в одной из наиболее политизированных и сложных для русской науки тематике — истории Польши и российско-польских отношений, однако, как показывает анализ его исторической полонистики, этого в основном не произошло. Это объясняется как его общественно-политическими взглядами (своеобразное сочетание идей российского государственника и либерала-западника с рядом славянофильских идей), так и историософской концепцией (главным образом, роли государственного начала и идей отдельной исторической миссии России и Польши и, исходя из этого, обречённости на их неизбежное противоборство). На наш взгляд, как показывает историческая полонистика С. М. Соловьёва, в том числе и его интерпретация истории падения Речи Посполитой, полностью преодолеть крайности славянофильских взглядов ему не удалось, и в отношении истории Польши постепенная эволюция учёного к идеям «исторического призвания русского народа» проявилась наиболее отчётливо. С точки зрения автора статьи, С. М. Соловьёв определяется как либеральный историк, подходивший к изучению исторической полонистики, которая по причине исследуемой тематики стала частью его творчества, с позиций, близких славянофильской концепции.

В конкретно историческом преломлении проблемы, как производном от двух основных названных причин, С. М. Соловьёв видел главные причины падения Речи Посполитой в комплексе факторов. Они были обусловлены как историческим развитием Польши, так и политическими реалиями конца XVIII века: русским национальным движением, ведущимся под религиозным знаменем; изменой Польшей своей исторической миссии; в завоевательной политике Пруссии; в преобразовательных движениях XVIII века. Как и его предшественники в русле уже сложившейся историографической традиции, С. М. Соловьёв в числе государств — виновников разделов Речи Посполитой не отмечал Россию, считая, что она только возвратила западнорусские земли, в своё время отторгнутые Польшей.

Рассматривая историю падения Польши, С. М. Соловьёв приводил большое количество документальных материалов. Использовал историк, прежде всего, официальные документы, которые давали односторонний взгляд. Это были, в первую очередь, дипломатические документы, и, пересказывая или цитируя их, историк видел проблематику с позиций русских дипломатов. Учёный чаще всего ограничивался пересказом событий с официальных московских позиций, мало подвергая их аналитическому

рассмотрению, и таким образом следовал в основном за официальной позицией. Стиль изложения ряда положений, характеризующих польское общественно-государственное устройство, польский народ, характер русско-польских отношений, часто публицистический, допускались автором разного рода пренебрежительные пассажи и замечания.

Список цитируемых источников

1. Ключевский, В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли / В. О. Ключевский ; сост., вступ. ст. и примеч. В. А. Александрова. — М. : Правда, 1990. — 624 с.
2. Ключевский, В. О. Сочинения : в 9 т. / В. О. Ключевский. — М. : Мысль, 1987—1990.
3. Ключевский, В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории / В. О. Ключевский. — М. : Наука, 1968. — 525 с.
4. Милоков, П. Н. Главные течения русской исторической мысли / П. Н. Милоков. — Изд. 3-е. — СПб. : [б. и.], 1913. — 342 с.
5. Милоков, П. Н. Юридическая школа в русской историографии (Соловьёв, Кавелин, Чичерин, Сергеевич) / П. Н. Милоков // Русская мысль. — 1886. — № VI.
6. Коялович, М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М. О. Коялович. — Минск : Лучи Софии, 1997. — 688 с.
7. Кареев, Н. Н. Падения Польши в исторической литературе / Н. Н. Кареев. — М. : [б. и.], 1888.
8. Милоков, П. Н. Очерки по истории русской культуры : в 3 т. / П. Н. Милоков. — М. : [б. и.], 1993—1995.
9. Пресняков, А. Е. С. М. Соловьёв в его влиянии на развитие русской историографии / А. Е. Пресняков // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР : сб. ст. — М.—Л., 1963. — С. 76—86.
10. Герье, В. И. С. М. Соловьёв / В. И. Герье // Ист. вестн. — 1880. — № I. — С. 74—111.
11. Довнар-Запольский, М. В. Исторический процесс русского народа в русской историографии / М. В. Довнар-Запольский // Рус. мысль. — 1902. — № 3. — С. 162—194.
12. Бестужев-Рюмин, К. Н. Биографии и характеристики / К. Н. Бестужев-Рюмин. — СПб. : [б. и.], 1882.
13. Рубинштейн, Н. Л. Русская историография / Н. Л. Рубинштейн. — М. : [б. и.], 1941. — 660 с.
14. Рубинштейн, Н. Л. С. М. Соловьёв и русская историческая наука / Н. Л. Рубинштейн // Вопр. истории. — 1945. — № 3—4.
15. Очерки истории исторической науки в СССР / под ред. М. В. Нечкиной. — М. : [б. и.], 1960. — Т. 2. — 862 с.
16. Сахаров, А. М. История России в трудах С. М. Соловьёва / А. М. Сахаров // Вестн. МГУ. Сер. IX. — 1971. — № 3.
17. Цамутали, А. Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX в. / А. Н. Цамутали. — Л. : [б. и.], 1977.
18. Черепнин, Л. В. С. М. Соловьёв как историк. История России с древнейших времен. Кн. I / Л. В. Черепнин. — М. : [б. и.], 1959. — 192 с.
19. Черепнин, Л. В. С. М. Соловьёв как историк / Л. В. Черепнин // Отечественные историки XVIII—XIX вв. : сб. ст., выступлений, воспоминаний. — М. : Наука, 1984. — 343 с.
20. Дмитриев, С. С. Историк Сергей Михайлович Соловьёв. Его жизнь, труды, научное наследство / С. С. Дмитриев, И. Д. Ковальченко // Соловьёв С. М. История России с древнейших времен. — М. : [б. и.], 1988. — Кн. 1.
21. Иллерицкий, В. Е. Сергей Михайлович Соловьёв / В. Е. Иллерицкий. — М. : [б. и.], 1980. — 192 с.
22. Медушевский, А. Н. Гегель и государственная школа русской историографии / А. Н. Медушевский // Вопр. философии. — 1988. — № 3. — С. 101—115.
23. Киреева, Р. А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. / Р. А. Киреева. — М. : [б. и.], 1983. — 214 с.
24. Дурновцев, В. И. Россия и Запад в контексте всемирной истории: К изучению научного наследия С. М. Соловьёва / В. И. Дурновцев // Историография проблем международных отношений и национальных движений в странах Западной Европы и Северной Америки. — М. : [б. и.], 1985. — С. 194—211.
25. Шаханов, А. Н. Архив С. М. Соловьёва / А. Н. Шаханов // Записки Отдела рукописей. — М. : [б. и.], 1986. — Вып. 45. — С. 27—46.
26. Шаханов, А. Н. Работа историка С. М. Соловьёва в архивах / А. Н. Шаханов // Совет. архив. — 1987. — № 2. — С. 40—45.
27. Волкова, И. В. «Новый период» истории России в трудах С. М. Соловьёва (из истории общественной мысли середины XIX в.). / И. В. Волкова. — М. : [б. и.], 1984. — 199 с.
28. Волкова, И. В. Историк С. М. Соловьёв и двухсотлетний юбилей Петра Первого / И. В. Волкова // История и историки. — М. : [б. и.], 1987. — С. 176—201.
29. Кашенко, С. Г. С. М. Соловьёв о роли географического фактора в истории России / С. Г. Кашенко // Вопр. истории СССР. — 1990. — Вып. 35. — С. 104—111.
30. Пичета, В. И. Введение в русскую историографию (историки и историография) / В. И. Пичета. — М.—Пг. : [б. и.], 1923.
31. Цимбаев, Н. И. С. М. Соловьёв как историк / Н. И. Цимбаев // С. М. Соловьёв. Избранные труды. Записки. — М. : [б. и.], 1983.
32. Цимбаев, Н. И. Славянофильство: из истории русской общественно-политической мысли XIX в. / Н. И. Цимбаев. — М. : Изд-во МГУ, 1986. — 269 с.

33. Кручковский, Т. Т. Польская проблема в русской исторической мысли XIX — начала XX века: основные подходы и общественно-политические и исторические обстоятельства / Т. Т. Кручковский // *Вестн. ГрДУ*. — 2000. — № 3. — С. 9—20.
34. Соловьёв, С. М. Сочинения : в 18 кн. / С. М. Соловьёв ; отв. ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев ; вступ. ст. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриева. — М. : Мысль, 1988—1995.
35. Соловьёв, С. М. Император Александр I. Политика. Дипломатия / С. М. Соловьёв. — СПб. : [б. и.], 1877. — 582 с.
36. Соловьёв, С. М. История падения Польши / С. М. Соловьёв. — М. : [б. и.], 1863. — 369 с.
37. Соловьёв, С. М. Общедоступные чтения о Русской истории / С. М. Соловьёв. — М. : [б. и.], 1874. — 341 с.
38. Соловьёв, С. М. Восточный вопрос / С. М. Соловьёв // Сочинения. — СПб. : [б. и.], 1882. — Т. 1.
39. Serejski, M. Europa a rozbiory Polski / M. Serejski. — Warszawa : Panst. wydaw. nauk. , 1970. — 518 s.
40. Кручковский, Т. Т. Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX в. / Т. Т. Кручковский // *Наш радавод*. — Гродно : [б. и.], 1994. — Кн. 6. — Ч. 2. — С. 218—417.
41. Кручковский, Т. Т. Проблема цивилизационного выбора Польши и его последствия в оценке русской историографии XIX — начала XX вв. / Т. Т. Кручковский // *История Польши в историографической традиции XIX — начала XXI вв. : материалы Междунар. науч. конф.* — Гродно : ГрГУ, 2011. — С. 24—35.
42. Кручковский, Т. Т. Проблемы разделов Речи Посполитой в русской историографии второй половины XIX в. / Т. Т. Кручковский // *Славяноведение*. — 1993. — № 5. — С. 76—85.
43. Соловьёв, С. М. История падения Польши. Восточный вопрос / С. М. Соловьёв. — М. : АСТ : Астрель, 2003. — 364 с.
44. Смит, Ф. Фридрих II, Екатерина II и падение Польши / Ф. Смит. — СПб. : [б. и.], 1838.
45. Смит, Ф. Суворов и падение Польши / Ф. Смит. — СПб. : [б. и.], 1866. — 398 с.
46. Смит, Ф. Ключ к разрешению польского вопроса, или Почему Польша не могла и не может существовать как самостоятельное государство / Ф. Смит. — СПб. : [б. и.], 1865. — 82 с.
47. Герье, В. И. Борьба за польский престол в 1733 г. / В. И. Герье. — М. : [б. и.], 1862.
48. Аржакова, Л. М. Долгая пауза после блистательных успехов: русская историческая полонистика на исходе XIX века / Л. М. Аржакова // *Славяноведение*. — 2010. — № 1. — С. 44—54.
49. Коялович, М. О. Чтения по истории / М. О. Коялович // Коялович, М. О. *Лекции по истории Западной России*. — М. : Тип. Бахметева, 1864. — 394 с.
50. Гейсман, П. А. Начало конца Польши. Введение в историю борьбы за объединение России при императрице Екатерине Великой / П. А. Гейсман, А. К. Ильенко. — СПб. : Тип. воен.-кн. маг. Н. В. Васильева, 1897. — 254 с.
51. Трачевский, А. С. Польское бескорольевье по прекращении династии Ягеллонов (1572—1573 гг.) / А. С. Трачевский. — СПб. : [б. и.], 1870.
52. Костомаров, Н. И. Последние годы Речи Посполитой / Н. И. Костомаров. — СПб. : [б. и.], 1869.
53. Коялович, М. О. Люблинская уния или последнее соединение Литовского княжества с польским королевством на Люблинском сейме 1569 года / М. О. Коялович. — СПб. : [б. и.], 1863. — 87с.
54. Кареев, Н. Н. Польские реформы XVIII в. / Н. Н. Кареев. — СПб. : Тип. Стасюлевича, 1902. — 205 с.
55. Любавский М. К. История западных славян (прибалтийцев, чехов и поляков) / М. К. Любавский. — М. : Типография М. и С. Сабашниковых, 1918. — 477 с.
56. Погодин, А. Л. Очерк истории Польши / А. Л. Погодин. — М. : Тип. К. Л. Миньшова, 1909. — 132 с.

Поступила в редакцию 30.03.2016.